



M. RAK. Materiały do dziejów polskiej dialektologii i etnologii. Listy Cezarii Baudouin de Courtenay-Ehrenkreutz-Jędrzejewiczowej, Adama Fischera, Antoniego Kaliny, Izydora Kopernickiego, Kazimierza Nitscha, Seweryna Udzieli, Juliusza Zborowskiego. Kraków, 2018. 604 s. [Biblioteka «LingVariów». T. 25]

M. PAK. Материалы к истории польской диалектологии и этнологии

DOI: 10.31857/S0869544X0006814-8

Отделение полонистики Ягеллонского университета (Краков) издает серию книг под названием Biblioteka «LingVariów», которая в 2018 г. насчитывала уже 26 томов полонистических исследований и 16 книг по лингводидактике (особая подсерия). В основной серии значительное место занимают работы по истории науки и в частности публикации эпистолярного наследия выдающихся польских ученых [1]. В этот ряд входит и рецензируемая книга, которую подготовил к изданию проф. М. Рак. Источниками публикуемых материалов (писем, открыток, фотографий) послужили архивные собрания Кракова (архивов Польской академии искусств, Польской академии наук, Ягеллонского университета, Этнографического музея им. С. Удели), Закопане (архив Музея Татр им. Т. Халубинского) и Вроцлава (куда после войны попали львовские архивы). Хронологически письма (числом 462) охватывают более чем полувековой период (от 1887 до 1958 г.), а географически — основные университетские центры Польши того времени — Краков (И. Коперницкий, С. Уделя, К. Нич, Ю. Зборовский), Львов (А. Калина, А. Фишер), Вильно и Варшава (Ц. Бодуэн де Куртенз-Эренкрейтц-Енджеевич).

Переписка семи видных польских ученых представляет интерес во многих

отношениях: она дает представление о научных направлениях, приоритетных темах и организационных предприятиях и событиях в области изучения польского языка и культуры первой половины XX в., об общественном и историческом контексте, в котором жили и творили ученые-полонисты (Российская империя, Первая мировая война, межвоенный период независимой Польши, Вторая мировая война, послевоенные годы новой Польши), о личности и биографии авторов и адресатов писем. В отличие от других томов эпистолярного наследия, в которых опубликованы письма крупнейших польских языковедов, рецензируемый том интересен тем, что в нем объединены письма лингвистов (диалектологов) и этнографов. Эти две дисциплины в конце XIX в. как в польской, так и в русской науке еще не были строго разграничены и понимались как единая дисциплина — «народоведение», и многие ученые были одновременно диалектологами и этнографами (в русской науке крупнейшей фигурой такого синтетического типа был Д. К. Зеленин, оставивший ценнейшие труды в обеих областях науки, так что и диалектологи, и этнографы считают его «своим»). Однако к середине XX в. положение в науке существенно изменилось, диалектология и этнография резко разошлись, главным

образом благодаря бурному развитию лингвистики, появлению новых направлений и методов в изучении языка. Переписка польских ученых, собранная в рецензируемой книге, дает очень яркое представление о том, как эти дисциплины «расходились», как складывались (подчас драматически) отношения между ними, как это повлияло на дальнейшее развитие обеих наук. Это особенно интересно в перспективе сегодняшней ситуации в славистике, когда диалектология и этнография снова стали сближаться на базе этнолингвистики (а применительно к литературному языку — в исследованиях языковой картины мира). См. [2].

Из семи авторов и адресатов писем, собранных в книге, безусловным лингвистом по своим научным интересам и занятиям был только Казимир Нич (1874—1958), профессор Ягеллонского университета, впоследствии Президент Польской академии искусств (1946—1952), выдающийся историк польского языка и диалектолог. Наполовину или даже на четверть был лингвистом Юлиуш Зборовский (1888—1965): будучи лингвистом по образованию и написав диссертацию о носовых гласных в польском языке, он затем много лет служил учителем гимназии, после чего несколько десятилетий возглавлял музей народной культуры Татр и Подгала в Закопане, занимался полевыми исследованиями и сбором материалов по народной культуре южной Польши. Эта его научная «двойственность» объясняет тот факт, что среди его активных корреспондентов были как лингвист К. Нич, так и этнографы А. Фишер (1889—1937) и Ц. Бодуэн де Куртенэ-Эренкрейц-Енджеевич (1885—1967). Все остальные участники этого эпистолярного многоголосия вовсе не были лингвистами, а были «чистыми» этнографами, которые, правда, приходили в этнографию с разных сторон; некоторые были изначально медиками, антропологами или музыкантами и музыковедами, учителями, музейными работниками, журналистами; их интерес к этнографии часто проистекал из регионального (местного) патриотизма, любви к природе и традиционной народной культуре и языку; реже это был также и собственно научный, теоретический интерес, как у А. Фишера и Ц. Бодуэн де Куртенэ-Эренкрейц-Енджеевич.

Самым старшим из корреспондентов был Исидор Коперницкий (1825—1891), окончивший Ягеллонский университет по медицине и физической антропологии, увлекшийся под влиянием О. Кольберга изучением диалектов и народной культуры Карпат и специально этнической группы лемков. Он был редактором первого польского периодического издания по этнографии «Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej», до сих пор служащего одним из основных источников по традиционной народной культуре Польши. Большой вклад в науку о польской народной культуре и языке в качестве редакторов научных изданий внесли и другие авторы публикуемых писем. А. Калина (1846—1906) был первым редактором журнала «Lud» (1895), издающегося до сих пор, и одним из основателей польского этнографического общества «Polskie Towarzystwo Ludoznawcze» (Польское общество народоведения); позже многие годы (1910—1943) главным редактором журнала «Lud» был А. Фишер. К. Нич — один из основателей журнала «Lud Słowiański» и многолетний редактор существующего до сих пор журнала «Język Polski». Неудивительно, что большое число писем к ним и от них тематически связано с редакционной деятельностью, с обсуждением предлагаемых к публикации материалов и издательских планов.

В конце XIX в. главной задачей науки был **сбор** этнографических и фольклорных материалов, причем не только специалистами-этнографами. По мысли И. Коперницкого, к этой работе необходимо привлекать местных учителей, священников, разъяснять им задачи и методы сбора экспонатов и записи сведений (вплоть до технических правил — писать на одной стороне карточки, отделять записи друг от друга и т.п.); необходимо создать на базе Ягеллонского университета «археологический кабинет» для хранения и изучения материальных предметов (керамики, металлических предметов, останков захоронений, предметов одежды, вышивок, писанок и т.п.), а также записей обрядов, верований, песен, сказок, загадок и т.п.; важно устраивать этнографические выставки и т.д.; создавать этнографические кружки на местах; необходимы хорошие фотографии носителей традиции, одежды, построек, орудий труда и т.п. (s. 9—22).

С. Уделя в 1924 г. пишет о себе А. Фишеру: «Моя работа почти всегда ограничивается собиранием этнографических материалов и побуждением других трудиться над изучением нашего народа, а также популяризацией этнографических знаний» (s. 66–67). Широта познаний С. Удели в области народного быта, материальной культуры, фольклора, языка поразительна. А. Фишер в письмах нередко обращается к нему по очень конкретным вопросам, ответа на которые он не смог найти в литературе, и обычно получает исчерпывающие сведения. Например, А. Фишер спрашивает, не встречался ли С. Уделя где-нибудь в Польше с поверьями о вилах и не подобны ли вилы русалкам (s. 64); в другом письме он интересуется формой ковшей-черпаков, а Уделя отвечает, что в Подкарпатье и в Сондецком регионе пользуются деревянными черпаками для доставания воды из колодца и называют их *korczak* (s. 74–75). А. Фишера интересуют польские ступы, земледельческие орудия и др., он просит С. Уделю прислать для публикации в журнале «Lud» фотографии народных костюмов и т.п.

Эта собирательская программа и совершенствование методов и технических средств фиксации и хранения этнографических данных сохраняли свою актуальность весь последующий период вплоть до наших дней (при всей разнице возможностей). Во время войны, в 1944 г., Ю. Зборовский в письме к К. Ничу пишет о необходимости пополнения библиотеки Музея Татр в Закопане, причем не только книгами, журналами и оттисками, но и фотокопиями, микрофильмами и прочими способами, «которые уже существуют в Америке» (s. 516–517). Координатором и хранителем этнографических материалов стало «Polskie Towarzystwo Ludoznawcze», куда присылали свои материалы корреспонденты с мест.

С программой сбора этнографического материала связана и проблема специальных тематических **вопросников**, которыми могли бы пользоваться как собиратели, так и местные энтузиасты; например, в письмах говорится о вопросниках, касающихся «купальских» обрядов (*sobótek*) и писанок. О необходимости их пишет львовский академик А. Калина в письме к краковскому этнографу С. Уделе: «вопрос о квестонариях очень важен, но

потому не приносит результатов, что они попадают в руки несведущих людей, на них отвечают схематично и непрофессионально» (s. 31). Позже С. Уделя посылает А. Фишеру для публикации в журнале «Lud» ряд вопросников (s. 62), Цезария Бодуэн де Куртенэ-Эренкрейц-Енджеевич в 1931 г. спрашивает Фишера, не печатает ли он в «Lud'e» несколько вопросников (с. 291).

В письмах И. Коперницкого затрагиваются темы, которые стали изучаться лишь спустя многие десятилетия. Так, в письме к С. Уделе от 22.V.1887 г. он говорит о важности изучения народных **толкований снов**: «толкование снов — предмет совершенно забытый и заброшенный всеми исследователями народной мудрости [...] из них можно почерпнуть массу совершенно неизвестных материалов и сведений о народной ворожке и предсказаниям и составить из этого очень интересный сонник», а в следующем письме добавляет, что важно при записях снов «сверяться с возможными письменными источниками», надо давать чисто народные толкования и к ним приводить книжные параллели и библиографию; надо собирать письменные сонники (s. 3–4). Эти пожелания стали осуществляться лишь спустя многие десятилетия [3]. В настоящее время А.В. Гура готовит фундаментальное исследование народных толкований снов всех славянских традиций по опубликованным, полевым и архивным материалам.

Для этнографов и диалектологов Кракова и Львова особую важность представляла **тема Карпат**, что объясняется этнографической и этнической неоднородностью этого южнопольского региона, его пограничным положением по отношению к восточнославянскому («русскому»), словацкому, чешскому этносам. Этой важнейшей особенностью этнокультурного ландшафта южной Польши объясняется интерес польских исследователей не только к своеобразной (чтобы не сказать экзотической) традиции гуралей, гуцулов, лемков и др., но и вообще к проблеме **географии** культуры, что для того времени было новаторским подходом. Краковский этнограф и основатель этнографического музея, неутомимый собиратель С. Уделя (1857–1937) в письме к А. Фишеру, говоря о народной вышивке, замечает: «У нас

каждая этнографическая группа развивает свою орнаментуку [...] я собираюсь подготовить следующие выпуски таблиц орнаментов из других районов Польши (гурали, кашубы, курпи и т.д.) [...] и ознакомиться с польской вышивкой и кружевом всю Европу» (s. 54–55).

В вопросах **языка** и идентичности «малых» этносов польские ученые выражают идеологические и политические взгляды своего времени. Интересуясь культурой и языком лемков и считая важным их систематическое изучение, А. Фишер в то же время исходит из того, что «этнография должна быть использована в государственных интересах (s. 90). Обсуждая возможность публикации в своем журнале работы Р. Рейнфусса о лемках, он говорит, что «должен убедиться, что Рейнфусс является поляком римско-католического вероисповедания» (s. 90), однако получив от С. Удели подтверждение этого, он отклоняет данную работу по той причине, что «в политическом отношении этот человек не заслуживает доверия» (s. 93–94). Особую остроту приобрел вопрос о передаче текстов на лемковском диалекте, который воспринимался этнографами как «смешение польского и русского» (s. 92). А. Фишер настаивает на том, чтобы лемковские записи публиковались в стандартизированной и упрощенной транскрипции, а С. Уделя считает, что «лучше было бы, чтобы рассказы и т.п. печатались только по-польски ради их содержания, а о лемковском диалекте вообще не говорить» (s. 92).

Вообще споры о языке между этнографами и диалектологами носили постоянный и подчас ожесточенный характер. Понятно, что профессиональные лингвисты (и прежде всего К. Нич) требовали от этнографов по возможности точной передачи диалектной речи, но столь же понятно, что этнографы и фольклористы в силу своей недостаточной лингвистической (диалектологической) подготовки были не в состоянии (а часто и не считали это нужным) выполнять это требование, поскольку главный интерес для них заключался в содержании записываемых текстов. Ю. Зборовский считал, что для диалектологов и для этнографов диалектные тексты должны публиковаться в разной орфографии — для диалектологов в точной фонетической транскрипции,

для этнографов — в упрощенной (s. 397). Отправляя А. Фишеру во Львов корректуру своей статьи с публикацией архивного текста конца XVIII в. и извиняясь за обилие поправок, поскольку он хотел как можно точнее передать диалектные черты, он добавляет: «пусть порадуются краковские диалектологи, вечно недовольные этнографами» (s. 128). В следующем письме А. Фишеру Ю. Зборовский передает историю с корректурой следующим образом: «Я вам объясню, в чем дело. Я встретил Нича и упомянул, что издаю такой текст. Естественно, он спросил об орфографии. Когда я сказал ему о полной нормализации, он вскипел и заявил, что выступит с критикой, причем не только в мой адрес, но и в адрес редакции, которая не требует от авторов передачи диалектных оттенков произношения. Я подумал, что у вас будут из-за меня неприятности со стороны этого заядлого и упрямого человека, поэтому лучше — вопреки собственным и вполне обоснованным убеждениям — сразу пойти навстречу диалектологам. Хотя по правде говоря они абсолютно ничего от этих мелочей не выиграют. Я конечно Ничу ничего не сказал об этих исправлениях, и вы, пожалуйста, тоже делайте вид, что ничего не знаете о его неприязненном отношении к журналу “Lud”. Признайте, что при всей его явной антипатии я не нанес ушерба вашему журналу. Другое дело, что в будущем мы должны раз и навсегда ясно поставить вопрос об орфографии, отражении диалектных особенностей и других вопросах, так чтобы в какой-то мере удовлетворить и лингвистов, но чтобы уровень журнала определялся не на основе языкознания. Это не “Język Polski” и не “Prace Filologiczne”. Может быть, когда-нибудь я и сам выступлю по этому поводу как бывший языковед и весь удар приму на себя» (s. 129).

Тем не менее Ю. Зборовский в переписке с К. Ничем нередко обсуждает именно лингвистические вопросы, предлагает лингвистические статьи и заметки для журнала «Język Polski», в том числе по семасиологии, советуется с ним о возможности приобретения современного фонографа для записи диалектных текстов, фольклора и народной музыки (с. 368), составляет лексический индекс к трем томам журнала «Rocznik slawistyczny», сообщает К. Ничу разные сведения о диалектном

произношении (например, об изменении $x > k$, $x > f$ и др.), планирует написать монографию о границах диалекта гуралей, составляет словарь диалектов Подгаля и т.п. (Институт польского языка Польской академии наук издал словарные материалы Ю. Зборовского, относящиеся к говору Закопане и его окрестностям [4].) Цезария Бодуэн де Куртенэ-Эренкрейц-Енджеевич в письме А. Фишеру соглашается, что его труд «Этнография славян» лучше не давать на рецензию лингвистам, и добавляет: «вообще мы слишком с ними считаемся» (s. 292). Вопросы правописания резко обострились после принятия новых орфографических правил литературного языка (1931 г.). Поскольку во главе этих реформ стоял К. Нич, нарекания на новую орфографию адресовались именно ему; тут уже и диалектологи, и этнографы выступали заодно.

Самой экстравагантной, разносторонней и противоречивой личностью среди авторов публикуемых писем была дочь великого польского и русского языковеда И. А. Бодуэна де Куртенэ — Цезария, носившая многоэтажную фамилию соответственно ее замужествам. Первым ее мужем был великий лингвист русской школы и автор знаменитого этимологического словаря Макс Фасмер, однако этот брак был недолгим и в окончательной версии фамилии не отражен; затем это был историк права и впоследствии профессор и ректор университета в Вильно Ст. Эренкрейц и, наконец, бывший премьер Польши Я. Енджеевич, так что самая полная фамилия Цезарии звучала так: Цезария Бодуэн де Куртенэ-Эренкрейц-Енджеевич. Несмотря на двойную связь с Россией и русской наукой (через отца и первого мужа), она не скрывала своей нелюбви к России и русским: «Русских я всегда не выносила и всем славянам предпочитала всяких скандинавов, финнов и т.п.» (s. 269).

Цезария Бодуэн де Куртенэ-Эренкрейц-Енджеевич и по образованию, и по своим научным интересам была филологом и этнографом, но, в отличие от этнографов старшего поколения, она заботилась не только о накоплении материала, но и о его систематизации и анализе на современном уровне науки. Ее интересовали вопросы теории и методологии; она много сил отдавала преподаванию и подготовке специалистов, способных вести и полевые, и аналитические,

и сравнительные исследования. Неслучайно, что в публикуемом томе ей принадлежат письма, адресованные, с одной стороны, лингвисту К. Ничу (53 письма), с другой — этнографам А. Фишеру (61 письмо) и Ю. Зборовскому (22 письма). Правда, переписка с К. Ничем, длившаяся с 1909 по 1957 г., в основном не касалась лингвистики и ее отношения с этнографией. Цезария обращалась к Ничу скорее как к другу семьи и коллеге ее отца и первого мужа; она много пишет об отце, его русских коллегах (Соболевский, Шахматов и др.) и учениках (Щерба), об аресте отца в Петербурге, об откликах на смерть отца и сборнике его памяти; делится семейными воспоминаниями и своими научными планами; откликается на политические события в Польше, в России и в мире. Сравнительно редко в ее письмах затрагиваются специально лингвистические вопросы (наблюдения над детской речью, изучение языка фольклора). В связи с подготовкой и защитой диссертации об апокрифическом житии св. Цецилии в начале 1920-х годов она формулирует свое научное кредо: «я предпочитаю филологическо-историческую сторону фольклора, связанную с языкознанием» (s. 204) и подробно информирует своего старшего друга обо всех этапах написания и процедуры защиты диссертации.

Позже, переехав в Вильно, она с увлечением занимается преподаванием этнологии и организацией там научного этнографического центра, этнографического музея, собирает учебную библиотеку, устраивает выставки народного костюма, ткачества, народного искусства и промыслов и т.п., мечтает об организации музеев под открытым небом по образцу скандинавских скансенов (s. 300). При этом она остается на откровенно националистических позициях и не признает прав литовского языка и культуры: «Вильно не является и не собирается стать литовским городом» (s. 218). В 1929 г. она совершает поездку в Полесье и с воодушевлением отзывается о богатстве и своеобразии полесского этнографического материала: «Полесье — это уникальная, удивительнейшая сокровищница, живой музей, живой архив обрядности и т.д.» (s. 219); отправляет группу своих учеников изучать культуру гуцулов и заручается поддержкой А. Фишера (s. 357).

Публикуемые письма проливают свет на контакты польских ученых с учеными других славянских и неславянских стран. В этом отношении наиболее активна Ц. Бодуэн де Куртенэ-Эренкрейц-Енджевич: она предлагает Фишеру свою рецензию на сборник словенских песен Штрекеля, поддерживает контакты с учеными Югославии (прежде всего хорватами), Швейцарии, Франции, Германии, Англии и других стран.

Переписка польских ученых первой половины XX в. дает возможность проследить, как зарождались те идеи и начинания, которые в последующие десятилетия стали магистральными направлениями польской науки. Из переписки К. Нича с Ю. Зборовским мы видим, сколь важной уже в 1930-е годы осознавалась задача создания сводного диалектного словаря, который бы с максимальной полнотой отразил лексику разных регионов Польши (s. 309–310). К. Нич писал Зборовскому в 1943 г.: «К сожалению, я слишком стар, чтобы думать о сводном диалектном словаре, а он очень, очень был бы полезен. Без него на каждом шагу сталкиваешься с тем, что ничего не можешь сказать об истории данного слова в литературном языке» (s. 509). И теперь такой словарь создается [5]. Польская диалектология оснащена большим числом диалектных словарей, коллекция которых постоянно пополняется; об этом могли лишь мечтать участники публикуемой переписки. Это касается и территории южной Польши, Татр и Подгаля, говоры и культура которых особенно интересовали ученых краковского круга. К. Нич в письме Ю. Зборовскому писал: «Татры и Подгале были одной из главных, можно сказать, страстей моей жизни» (s. 526). Современного читателя этой переписки не может не поражать интенсивность научной деятельности польских ученых, не прекращавшаяся даже во время войны.

В краткой рецензии невозможно охватить всего обширного круга научных, общественных, идеологических, биографических и иных вопросов, которые

затрагиваются в письмах. Для полноценного их восприятия, конечно, необходимо иметь представление о научных трудах участников переписки, но об этом здесь даже кратко невозможно говорить. Но нельзя не сказать о том, что публикуемые письма снабжены не просто необходимой, но исчерпывающе подробной документацией, точными сведениями о множестве упоминаемых в переписке лиц, библиографическими данными по всем фигурирующим в текстах писем трудам. Издатель и комментатор этих писем проф. М. Рак безусловно заслуживает слов благодарности за свой благородный труд не только от полонистов и историков польской науки, но и от всех славистов.

© 2019 г. *С.М. Толстая*
smtolstaya@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Listy Jana Baudouina de Courtenay do Henryka Ułaszyna z lat 1898–1929 / Oprac. M. Skarżyński i M. Smoczyńska, Kraków 2007 (t. 1); Materiały do dziejów polskiego językoznawstwa. Listy Jana Baudouina de Courtenay, Jana Łosia, Kazimierza Nitscha, Jana Rozwadowskiego, Henryka Ułaszyna / Oprac. A. Czelakowska, M. Skarżyński. Kraków 2011 (t. 8); Materiały do dziejów polskiego językoznawstwa. III: Korespondencja Kazimierza Nitscha i Antoniny Obrębskiej-Jabłońskiej 1925–1958 / Opracowanie, wstęp i przypisy M. Skarżyński, E. Smułkowa Kraków, 2018 (t. 26).
2. *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Славянская этнолингвистика. Вопросы теории. М., 2013.
3. *Niebrzegowska St.* Polski sennik ludowy. Lublin, 1996.
4. *Zborowski J.* Słownik gwary Zakopanego i okolic, oprac. i uzup. z materiałów Aut. przez Zespół Instytutu Języka Polskiego PAN pod kier. J. Okoniowej, Zakopane, 2009.
5. Słownik gwar polskich. Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1977. T. 1. Z. 1.